

Адольф Юлихер

Религия Иисуса и начала
христианства до Никейского
собора

RUGRAM

УДК 93/94
ББК 63.3(0)32+86.2
Ю33

Текст печатается по изданию: **Общая история европейской культуры.**

**Т. V: Раннее христианство, отд. I / под ред. Гревса И. М.,
Зелинского Ф. Ф., Кареева Н. И. и Ростовцева М. И. ; изд. Брокгауз-
Ефрон. — СПб.: Тип. Акционер. О-ва Брокгауз-Ефрон, [1914]. — 472 с.**

Юлихер, Адольф.

Ю33 Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора / А. Юлихер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 470 с. — (Исследования мировой истории).

Работа Адольфа Юлихера посвящена раннему христианству и даёт внешнюю, историю христианства в пределах античной истории. Это период от становления христианства до его признания государственной религией Римской империи. В приложении дается работа известного советского историка Абрама Борисовича Рановича (1885–1948) — «Первоисточники по истории раннего христианства» (изданы в 1933 г.), содержащая собрание текстов, прямо или косвенно связанных с возникновением и распространением христианской религии в Римской империи I–IV вв. Работа не утратила своей ценности и сегодня. Так же в приложении публикуется отрывок из книги Поля Аллара «Христианство и Римская империя от Нерона до Феодосия» о религиозной политике Константина и его сыновей.

BIC HB
BISAC HIS000000

ISBN 978-5-521-92918-4

© Адольф Юлихер, текст, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Ограничивая первый период истории христианства Никейским собором (325 г.), мы имеем возможность не только сослаться на пример первого историка церкви, ученого и точного епископа Евсевия из Цезареи, наше оправдание заключается и в самом существе дела.

Конечно, различие между Иисусом, в Чьем сердце выросла новая религия, и Его апостолом — Павлом, вынесшим ее в широкий мир, и опять-таки между Павлом или его временем и последующими двумя столетиями, заменившими его свободу духа новым законом, — целым рядом точных вычеканенных форм и формул, — гораздо более явственно и очевидно, чем разница между последним доникейским поколением, вовлеченным в официальное участие в несчастных богословских распрях, и первым никейским, истощившим свои лучшие силы в этом междоусобии: Иисус, Павел, образующаяся католическая церковь — три глубоко отличные друг от друга величины. Однако только все вместе представляют они начала христианской церкви: до Никеи простирается тот изначальный период, который исповедуют еще до сих пор все церковные общины. Около 325 г. церковь выступает из тени и становится государственным учреждением, и поэтому-то делается на совершенно новый лад могущественной и в то же время зависимой. Вселенский Никейский собор нечто гораздо большее, чем просто первый в целом ряде подобных соборов; в действительности он является собором по преимуществу, установившим раз и навсегда истинное учение церкви: последующим соборам предстояло лишь изложить это учение, иной раз, пожалуй, исправить. Около 325 г. церковь чувствует себя

законченной, — законченной, конечно, постольку, поскольку впоследствии не было более проведено совершенно новых линий; новообразования и преобразования, конечно, вводились и позднее, и притом массовые, но нового творчества в ином духе или направлении не наблюдается. Такого конечного пункта до Никеи не было, менее всего можно считать таковым время тотчас после смерти Иисуса.

Со всеми первобытными эпохами начало христианства имеет то общее, что оно, по большей части, окутано тайной. Между тем как, начиная с IV столетия, дошло до нас большое количество документов и литературных произведений, иногда совершенно даже ничтожных, скудно просачиваются в большинстве случаев источники для первых 300 лет; чем далее мы отступаем назад, тем чувствительнее умножаются бреши в нашем знании. Мы должны поэтому быть довольны, что можно хотя бы в общих чертах набросать ход развития, распознать сначала крупные творческие личности и понять затем отношения и силы, давшие возможность распределить и усвоить наследие бессмертных в среде позднейшего более скромного человечества.

А. ИИСУС (ДО 30 Г.)

I

Источники для истории Иисуса

Внебиблейские источники. Безнадёжно смутной кажется на первый взгляд надежда приблизиться к истине относительно личности Иисуса, Его стремлений и деяний. Сам Он не оставил после Себя ни единой строчки и никому не поручил заботиться о том, чтобы память о Нем сохранилась неизвращенной. Историк еврейства того времени, Иосиф, не упоминает о Нем — цитированные уже Евсевием параграфы его «Археологии» со свидетельством о Христе («Археология», XVIII, 3, 63 сл.) с первого же взгляда выдают себя как христианскую интерполяцию; в еще меньшей степени отмечают существование еврейского мечтателя, которого при его жизни нигде вне его родины не могли знать даже хотя бы по имени, греческие и римские историки.

Знания позднейших еврейских ученых талмудистов заимствованы из Евангелий так же, как и позорная история, которую в 176 г. с удовольствием передает, со слов одного еврея, враг христиан Цельзий: рассказ о том, будто Иисус произошел от прелюбодейного союза невесты еврейского плотника с римским солдатом Пантерой. Даже позднейшая церковь продолжала создавать в большом изобилии легенды со специальной целью в своем вкусе разукрасить чудесными красками детство и последние дни Сына Божия; в них не кроется ни единого зерна истинного предания. И если среди слов Иисуса, не стоящих в Новом Завете, но случайно цитируемых древними авторами («Аграф»), найдется кое-что достоверное,

то эти речения скорее подкрепят принесенные уже с собой критиком впечатления, чем побудят его в чем-либо их изменить.

Четыре Евангелия. Итак, источниками для познания исторического значения Иисуса являются для нас только четыре принятые в книги Нового Завета так называемые Евангелия: всего-навсего несколько рассказов единомышленников о человеке, зажегшем, несомненно, столько же злобной ненависти, сколько и слепой, может быть, любви.

Правда, эти четыре Евангелия возникли, действительно, в первом столетии после смерти Иисуса, и два из них носят даже имена близких учеников Иисуса — Матфея и Иоанна. Но Евангелие Иоанна, самое позднее из четырех, ввиду совершенно своеобразного его содержания, устраняется само собою из числа исторических источников; оно хочет не столько рассказывать о прошлом, сколько раскрывает Вечное, учит постигать исторические события как символы и аллегории единой истины — воплощения Бога во Христе, — без которой нет спасения; в полном сознании превосходства духа над буквой невероятно смело распоряжается неизвестный автор со старой традицией, которую он заменяет на всем протяжении без дальнейшего объяснения собственным творчеством.

Евангелие от Матфея, с другой стороны, уже потому, что автор, пользуясь греческим материалом, написал его по-гречески, не может быть обязано своим происхождением палестинцу Матфею, которому «апостольский отец» Папий (ум. около 165 г.) приписывает лишь Евангелие, написанное на арамейском языке. Лука определенно признается, что он описывает евангельскую историю не как очевидец; мы должны принять то же самое

и для Матфея и Марка; все трое, объединяемые, вследствие сходства их изложения, под именем Синоптиков, работали уже на основании письменного материала; то, что они нам предлагают, — это знание второго и третьего поколения после Иисуса. Ни одно из этих произведений не было закончено до разрушения Иерусалима в 70-м году. Павел в 60-м году еще не знал ни одного подобного Евангелия.

Историческая ценность Синоптиков. Допустим, однако, что источники упомянутых трех евангелистов или старшего из них, Марка, от которого оба других находятся в сильной зависимости, достойны полнейшего доверия; пусть этими источниками, в конце концов, будут Петр и Матфей с их собранием речений Иисуса («Логия»): они не смогут, однако, ни в коем случае заменить нам непосредственных рассказов современников. Насколько многое в воспоминаниях стало уже к тому времени колеблющимся, показывают противоречия между этими Синоптиками в таких безразличных предметах, как имена, данные о месте, времени, повод для какой-нибудь беседы. Затемняет дело, кроме того, и их религиозный интерес — единственный мотив их писания, столь отличный, однако, от интереса беспристрастного историка. Евангелия не исторические книги, а поучительные сочинения, преследующие цели пропаганды. Предполагать у них внимание к исторической связи событий было бы несправедливо, еще менее справедливо, конечно, требовать от них объективного исторического понимания религии Иисуса. Для них важно определенно выдвинуть на первый план сверхъестественное, несравнимое, непостижимое: высшую ценность имеет для них не то, что в нашем смысле наиболее допустимо, а то, что

кажется им наиболее способным подавить сомнение в божественности Иисуса и укрепить веру в него и в его дело, как, например, история о Его преображении, Его раскрывшейся гробнице, о воскрешении из мертвых.

Ценности этих трех Евангелий как исторических источников вредит, с другой стороны, то, что впоследствии их текст, несмотря на раннюю их канонизацию, разнообразно и с успехом исправляли, сглаживали и расширяли вставками. Больше всего подозрений в смысле тенденциозных вставок сами собою возбуждают эпизоды, встречающиеся только у одного из евангелистов, как, например, отправление апостолов на учительство и приказ креститься у Матфея, 28, 18 сл., народно-поэтический рассказ о рождении и детстве Иисуса у Луки, 1, 2, и совершенно иного рода ученая история о том же у Матфея. Не подлежит сомнению, конечно, что три Евангелия уже в своем первообразе содержали много легендарного. Их *bona fides*, конечно, вне сомнения, но разве Спаситель мира не должен был проявить свою целительную силу по отношению ко всем земным бедствиям и слабостям, к болезням тела и души так же, как и к бедности, голоду и отчаянию? Если демоны бежали от лица Его, могли ли стихии, ветер и волны не быть Ему покорны? Наиболее потрясало душу все происшедшее во время страстей и смерти Иисуса; всплывают все новые и новые крестные слова; убеждение в Его невинности является то у Ирода, то у Пилата и его жены; весь мир содрогнулся перед ужасом Его казни. Кто проследит за развитием истории Его крещения у Синоптиков, кто отметит, какое картинное изображение искушения Иисуса в пустыне дают Матфей и Лука, тогда как Марк довольствуется еще простыми словами: «и был Он искушаем Сатаной», тот поймет, что

здесь в короткий срок из скромного зародыша, из темного представления выросли рассказы с богатым и определенным содержанием. Этому способствовали ветхозаветные прообразы, в особенности же истинные или мнимые пророчества о Мессии, исполнение которых вера стремилась доказать во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценой в книге, называемой «Евангелие» (благая весть). Доказывалось это не всегда столь неудачно, как у Марка, 4, 11 сл., при толковании притчи Иисуса согласно Исаяи, 6: можно подумать, что Марк рассчитывал при этом на тупость слушателей. Многократные указания Иисуса на Свою близкую смерть уже своей монотонностью доказывают, что все они — композиция более позднего автора; основание для такой композиции: Иисус должен был предсказать Свою смерть точно так же, как должен был знать о ней и желать ее. И не только о факте Своей смерти, но и о причине ее должен Он был высказаться. «Как искупление за отпущение наших грехов» — поучает Он Своих учеников. В других местах предъявляют свои права нужды древнейшей общины; не мог же, например, Учитель предоставить Своим последователям распоряжаться отменой или сохранением закона Моисеева, поэтому в уста Его вводят (Матф., 5, 17—19) программное решение этого вопроса. Тайны будущего не могли быть сокрыты от Него, поэтому необходимо было, чтобы Иисус предсказал предшествующие светопреставлению бедствия. Он должен был закончить Свою общественную деятельность прощальной речью: для этой цели, недолго думая, приспособляют ходившую по рукам без имени автора еврейскую Апокалипсу, причем христианские примеси, пожалуй, еще яснее указывают на подделку, чем еврейский первоначальный текст. Нельзя также оспаривать а priori, что

Иисусу могли быть приписаны отдельные слова древнейших еврейских учителей, в которых подмечалось некоторое веяние Его духа, например слова о сabbоте, существующей для человека. Наконец, мы видим уже и Матфея, и Луку, серьезно занятых толкованием смысла какого-либо определенного места посредством объяснительной глоссы, которую они выдают за слова Иисуса; отсюда у Матфея, 12, 40, неудачное толкование прообраза Ионы; у Матф., 13, 37 сл., педантическое толкование притчи о плевелах; у Луки, 16, 10—12, восхваление верности по поводу притчи о неверном управителе; у Матфея, 16, 19, и 18, 18, предпочтение Петра всем остальным ученикам.

Несмотря на все эти недостатки, три Евангелия остаются ценным источником не только для истории общины, вложившей в них свой идеал Христа, но и, пожалуй, в еще более сильной степени, для истории Иисуса. Чуждое большею частью так явно отделяется от первоначального, алмаз от граненого стекла, что, право, вовсе не легкомысленно доверие к этой подлинной части, удерживающей свою обособленную светозарную силу рядом со всяким кажущимся блеском. Иисуса Иоанна можно было бы счесть за героя религиозной поэмы; в Евангелиях синоптических авторы слишком усердно борются с материалом, часто ими не понятым, часто совершенно им не поддающимся; истинный Иисус, Которого они восприняли, столь величаво возвышается над Тем, Чей образ воздвигли они впоследствии с примесями из Ветхого Завета или вавилонской мифологии, из еврейской литературы и народной мудрости или древнехристианского богословия и поэзии, что мысль, будто здесь перед нами только различные наслоения одного и того же творче-